Свааб Д.

МЫ — ЭТО НАШ МОЗГ. ОТ МАТКИ ДО АЛЬЦГЕЙМЕРА

Пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова.
СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 544 с.
ISBN978-5-89059-317-7
УДК 612.82=161.1=03.112.5
DOI: 10.31802/2658-7491-2019-1-1-182-185

Книга из разряда non-fiction «Мы — это наш мозг. От матки до Альцгеймера» нидерландского нейробиолога Дика Свааба (род. 1944) в оригинальной форме и с нескрываемым чувством юмора знакомит читателя с такими областями научного знания, как анатомия и нейробиология, биохимия и нейрофизиология, генетика и психиатрия, начиная своё довольно пространное повествование от момента внутриутробного развития до финального опыта человека перед вступлением в вечность.

Рассуждая о религии, автор следует путём эволюционной психологии, стремящейся объяснить феномен веры в Бога тем, что веровавшие в сверхъестественную реальность первобытные люди с большей долей вероятности передавали гены своим потомкам, нежели пещерные жители (С. 371). Отвечая на вопрос о происхождении человека, Свааб цитирует палеонтолога, биолога-эволюциониста Стивена Джея Гулда (1941–2002): «Люди существуют благодаря тому, что некая группа рыб обладала уникальной анатомией плавников, превратившихся в последующем в ноги животных; потому что Земля никогда не замерзала полностью в течение ледникового периода; потому что немногочисленная и незаметная группа животных, появившаяся в Африке около 250 тысяч лет назад, смогла по каким-то причинам выжить. Мы можем стремиться найти высшее объяснение всего этого, но его просто не существует» (С. 497).

Развивая мысль о том, что в мозге, детерминированном с момента рождения, нет ни одного места, где располагалось бы сознание, которое является «чисто телесным химическим феноменом» (С. 240) — иллюзией, порождённой нервной системой, автор заявляет, что не может быть и речи о свободной воле, «призраке в машине» (С. 436).

Однако, если упразднить в антропологической парадигме свободу воли, являющуюся неотъемлемой характеристикой мыслящего человека, в том числе и Самого Иисуса Христа, наглядно продемонстрировав обывателю, что она не более чем фикция и все поступки детерминированы архитектоникой коры головного мозга и его биохимией, сняв тем самым проблему ответственности за поступки, то становится бессмысленным не только понятие спасения и феномена святости как такового, но и в таком случае в человеке удаляется то, что должно следовать или противиться воле Божией. Но так далеко Свааб не заходит в своих умозаключениях, ограничиваясь лишь тем, что человек — аналоговый химический компьютер, обрабатывающий бурлящие потоки информации, льющиеся из окружающей среды, и для души в нём нет места. Последовательно отстаивая свою антирелигиозную позицию через отрицание души, учёный пишет, что «никаких психонов не существует — существуют нейроны. Когда человек испускает дух, не душа его отлетает — перестаёт действовать его мозг. Я ни разу не слышал убедительного возражения на простое заключение: дух — это результат деятельности наших 100 миллиардов мозговых клеток, а душа — всего лишь недоразумение. Универсальное использование понятия душа, очевидно, основано всего лишь на страхе смерти, на желании вновь увидеть умерших близких и на нелепой высокомерной идее, будто мы представляем собой такую важность, что после того, как мы навсегда уйдём, хотя бы что-то всё же должно остаться» (С. 407). Примечательно, что, отрицая всё духовное в человеке, автор всё же допускает, что «врождённая спиритуальность может находить своё выражение в религиозной вере, материализме или в повышенном интересе к окружающей среде» (С. 436). К сожалению, ответов на вопросы о том, как возникает восприятие, сознание, да и сами мысли: нужно ли для этого слаженное взаимодействие 1000 нервных клеток или 100 миллионов, как чувственные представления, формирующиеся однозначно и автоматически по входящим сенсорным каналам, преобразуются в поведение, почему процессы в мозге сопровождаются сознанием и как вообще такая материальная система, как мозг, порождает сознание, Свааб не даёт.

Интерпретация автором данных нейротеологии — междисциплинарной области исследований, целью которых является создание нейробиологических моделей религиозной веры (т. е. установление корреляции процессов в нервной системе с субъективным духовным опытом и построение гипотез для объяснения данного явления), сви-

детельствует о том, что мышление — продукт деятельности центральной нервной системы. Свааб, опираясь на новые данные методов визуализации, красочно демонстрирует читателю, что действительно стало возможным анализировать происходящие процессы в мозге, когда человек думает о чём-либо или переживает такое состояние, как молитва. Для нидерландского нейробиолога очевидно, что святые скорее были подвержены височной эпилепсии (С. 396–398), нежели являлись носителями духовного опыта, вдохновлявшего окружающих и их самих. Тело человека — набор органов и систем, не храм Духа Святого, душа человека не Божий дар, который человек получил в результате творения, не жизненное начало, но для нейробиологии, как мультидисциплинарной области, изучающей нервную систему на различных уровнях организации от молекулярного до функционального, она представляется как проявление нервной активности, испытывающей действие гормонов под гнётом законов детерминизма, редуцируя ум, чувства и волю до аллегорического образа, доставшегося по наследству от предыдущих непросвещённых научными знаниями поколений. Нейронаука, традиционно опираясь на эмпиризм и физикализм, исключает всякую возможность включения в исследования каких бы то ни было проявлений нематериальной реальности, строго придерживаясь принципа методологического редукционизма в пределах проводимого эксперимента и наблюдений, претенциозно описывая все свойства души человека в терминах биохимии и физики (С. 414–419).

Однозначно отвечая на ключевые онтологические вопросы претенциозной фразой «Мы — это наш мозг», Свааб призывает читателя отпраздновать торжество науки и механицизма, по сути провозглашая разрушение и обесценивание человека как образа Божия, подменяя веру в Бога верой в технологии, удаляя человека от Живой Истины — Господа нашего Иисуса Христа, ставя перед человеком ложные цели, пропагандируя позицию детерминизма, адаптации и биохимии. Очевидно, что поиски нейронных коррелятов религиозного опыта будут способствовать более глубокому пониманию работы человеческого мозга и связанной с ней способностью реагировать на религиозные убеждения (С. 377–378), но без понимания соотношения феноменологических и физиологических данных исследование не даст объективной картины рассматриваемой проблемы. Нейротеология не имеет ответа на вопрос о том, являются ли строго специфичными функциональные состояния конкретных участков головного мозга для религиозного опыта человека. Причинно-следственная связь между мозговой активностью и религиозным опытом человека

предполагается a priori, не предоставляя возможности для верификации и фальсификации. Также остаётся неучтённой многогранность религиозных практик различных культур, оказывающих непосредственное влияние на религиозные верования. Ограниченность редукционисткого подхода нейробиологии сводит проявление субъективного религиозного опыта человека лишь к активности височной доли и лимбической системы головного мозга (С. 379). Попытки проверить алгеброй гармонию, поиск универсального нейропсихологического механизма феномена веры в Бога представляет собой ограниченный натурализм, неспособный объективно дать описание духовной жизни человека, выходя за рамки строго научных исследований. К существенному недостатку книги, несомненно, следует отнести отсутствие ссылок на источники. Тем не менее, труд нидерландского нейробиолога будет интересен для всех интересующихся вопросами естественно-научной апологетики, богословия и философии.

Иеромонах Дамиан (Воронов)